

Знать и верить

**Указом президента
обозревателю «Российской
газеты» Всеволоду
Овчинникову
присвоено звание
заслуженного журналиста
России**

Случилось неожиданное – в Гималаях пошел снег. Резко похолодало. Последние два часа я пробирался крадучись, по заметенной снегом дороге. Зачем меня, в ту пору корреспондента «Комсомолки» в Индии, понесло туда? Объяснить это в двух словах невозможно. На заднем сиденье моей машины лежали две страницы из газеты «Правда» с публикациями Всеволода Овчинникова «Вознесение в Шамбалу». Мало кому в той советской журналистике я верил так, как верил Овчинникову. Он – автор уникального журналистского бестселлера «Ветки сакуры», поразительно добросовестного, талантливое, умного и компетентного исследования национального характера японцев. В ту пору это был глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере классово-ненавистнической международной советской журналистики. И если тот самый Овчинников пишет о Шамбале – таинственной гималайской стране махатм, мудрых учителей и провидцев – значит, что-то в этом все же есть. Что именно? Я не был ни мистиком, ни неопитом восточной эзотерики. Мне просто ужасно захотелось последовать путем Овчинникова, чтобы самому испытать, каково это – стоять на пороге Шамбалы.

И вот, стоя на том пороге, я так и не смог предугадать, что много лет спустя мы будем частенько встречаться с ним и откровенно, почти по-дружески, разговаривать на этаже «Российской газеты». Всеволод Владимирович к моему тихому восторгу оказался таким же умным, мудрым, талантливым и

необычайно скромным, каким предстал в своих публикациях. Его и в жизни отличала тонкая самоирония, прекрасное знание предмета и языков – китайского, японского и английского. Как и язык, которым он владел безупречно, Овчинников в быту оказался прост и элегантен.

Однажды я поведал ему о своем «вознесении в Шамбалу». Он выслушал внимательно и вдруг рассказал мне историю, к которой можно было отнестись как угодно, но то, что все было именно так, у меня сомнений не вызвало: ведь это рассказывает Овчинников...

В 1955 году в Тибете он беседовал с настоятелем одного из монастырских храмов. В какой-то момент настоятель вдруг прервал разговор со словами: «Простите, мне пришла весть». Он на несколько секунд словно впал в транс, напрягся, а потом стал отдавать распоряжения: срочно послать за перевал костоправов, ибо там с тропы в пропасть сорвался монах.

Я и по сей день считаю, что тайные знания тибетских монахов не пустой звук для него; он, сохраняя абсолютное ясномыслие и адекватные представления о реальности, не замутненные никакими верованиями, тем не менее знает тайны, о которых говорит очень скупно. Метод Овчинникова не в том, чтобы верить, а в том, чтобы знать. Так вот, он досконально, до тонкостей знает то, о чем пишет. Не случайно даже придирчивые японцы с удивлением и восторгом оценивали его «Ветку сакуры»: «Когда автор говорит о чем-то непонятном для иностранцев, он так глубоко понимает суть дела, что даже мы, японцы, не можем не согласиться с ним... Как он умудрился докопаться до таких вещей! - невольно удивляемся и улыбаемся мы». «Ветка сакуры» с честью выдержала достаточно тяжелое испытание. Если в советское время люди в СССР читали эту книгу, всецело доверяя автору и не зная, как на самом деле живут японцы (выехать за границу, да еще в капиталистическую страну для большинства было проблемой), то теперь немалое количество наших сограждан видело эту страну собственными глазами. Но сегодня Овчинников, не изменив в этих книгах ничего, объясняет людям то, что они увидели. Теми же

самыми словами.

Поразительная добросовестность и профессионализм!

Недавно Всеволоду Владимировичу исполнилось девяносто два. За праздничным столом я спросил у него: куда бы он посоветовал пойти журналисту, оказавшемуся в Токио? В начале Гинзы, – с улыбкой ответил Овчинников, - есть очень популярный ночной клуб...

Юрий Лепский